

Цзян Фэн жадно выпил воды, залпом осушив стакан. Тяжело ступая, он доплелся до обеденного стола в гостиной и рухнул на стул, словно сдувшийся мяч. Он низко опустил голову, уткнувшись лицом в сгиб локтя, и крепко обхватил руками живот, который нещадно жгло, будто огнем — так он пытался хоть немного унять невыносимую боль.

Его прошибало то в жар, то в холод, он судорожно вдыхал и выдыхал, пока спустя долгое время приступ немного не отступил.

Тем не менее, со лба градом катил пот. Капли стекали по щекам и шее, впитываясь в белую футболку; спина его была насквозь мокрой.

Черт, почему гастрит снова обострился... Он так давно не испытывал этой раздирающей, словно вонзенные в сердце стрелы боли, что поначалу даже растерялся. Раньше она казалась не такой уж нестерпимой — достаточно было стиснуть зубы, перетерпеть, и всё проходило.

Цзян Фэн, преодолевая слабость, с трудом выпрямился и медленно встал. Голова шла кругом, и он, зажмурившись, по памяти побрел к чайнику. Дрожащими руками он налил себе воды, но, коснувшись стакана, вдруг понял, почему желудок так нещадно жжет: вода оказалась ледяной.

Выругавшись про себя, он поставил чайник греться. Пока тот закипал, он без сил распростерся на столе, не сводя глаз с индикатора. Как только загорелась красная лампочка, Цзян Фэн, опираясь на стол, поднялся, разбавил кипяток холодной водой и сделал жадный глоток.

Жжение в животе немного утихло. Цзян Фэн взял остатки воды и, держась за перила, поплелся вверх. Каждый раз, когда желудок начинал болеть, он через силу наливал себе теплую воду и залпом выпивал. Он повторял это снова и снова, надеясь унять адское пламя внутри, но все усилия были тщетны: чем больше он пил, тем бледнее становились его губы, а жжение лишь усиливалось.

В полубредовом состоянии Цзян Фэн с трудом набрал номер Гу Цзинцзэ.

\*\*\*

Бар Струнный лад.

Ослепительные огни создавали атмосферу нереальности; воздух был пропитан пьянящим ароматом алкоголя и пряностей. Люди, будь то уже захмелевшие или еще трезвые, казались опьяненными самой обстановкой, сбрасывая маски и обнажая истинное лицо.

В VIP-зале царил оживление, хотя и совсем иное, чем снаружи. Там собралась компания знаменитостей: восходящие звезды, популярные айдолы. Гу Цзинцзэ сидел в центре дивана, его лицо в полумраке казалось неясным, скрытым от чужих глаз.

Юнь Нань, заметив, что Гу Цзинцзэ лишь молча пьет, подсел ближе, налил себе бокал вина и, придвинувшись, сел к нему на колени. Он поднес бокал к губам Гу Цзинцзэ, предлагая отпить. Тот лишь равнодушно хмыкнул, не выражая особого восторга, но и не отказался: перехватил запястье Юнь Наня и пригубил вино. Из-за спешки капля красной жидкости скатилась по уголку губ и потекла вниз, к его белой, сексуальной кадыку.

Юнь Нань, увидев эту каплю, хотел было прижаться к нему, чтобы кто-то из заранее подготовленных людей успел сделать фото и отправить Цзян Цифэну, но не успел: Гу Цзинцзэ уже смахнул вино салфеткой. Юнь Нань покорно взял эту салфетку и дочиста вытер след. Бросив быстрый взгляд на часы, он довольно усмехнулся.

Видя, что Гу Цзинцзэ его не отталкивает, Юнь Нань всем телом прильнул к нему, словно лишенный костей, и начал выводить узоры на его груди своими тонкими, бледными пальцами.

— Брат Гу, у тебя плохое настроение? — проворковал он.

— М-м, — холодно отозвался Гу Цзинцзэ, откинувшись на спинку дивана.

Юнь Нань приподнялся и снова прижался к нему, щекой к его резким, мужественным чертам лица, потираясь, как ласковый котенок. Гу Цзинцзэ нахмурился еще сильнее, губы его плотно сжались. Он был явно раздражен, но в темноте зала этого никто не видел — иначе Юнь Нань не решился бы зайти так далеко, пытаясь использовать его.

Как раз когда Гу Цзинцзэ собрался отшвырнуть от себя назойливого юнца, дверь распахнулась. В комнату ворвался Цзян Цифэн. Его взгляд метнулся по залу и остановился на человеке, сидящем на коленях у Гу Цзинцзэ. Лицо Цзян Цифэна мгновенно почернело, став темнее угля. Напряжение в его руках было таким, что вздулись вены, а на виске запульсировала жилка.

Цзян Цифэн подошел к Гу Цзинцзэ, рывком стянул Юнь Наня с его колен и со всей силы ударил Гу Цзинцзэ кулаком.

— Цзян Цифэн, ты что творишь?! С ума сошел?! — взревел Гу Цзинцзэ, мгновенно переходя от удивления к ярости.

Цзян Цифэн проигнорировал его крик. Он вцепился в воротник Гу Цзинцзэ и прошипел, глядя на него как на заклятого врага:

— Еще раз посмеешь приближаться к Юнь Наню, клянусь, прибью тебя! Развратник, бесстыдник!

Гу Цзинцзэ, чувствуя себя несправедливо обвиненным, вскочил и в ответ ударил Цзян Цифэна прямо в лицо, сбив с него очки.

— Ты несешь чепуху! Какой я развратник? Я даже имени того парня не помню, он сам ко мне лип, я сам не знал, как от него избавиться! И ты даже не разобрался, сразу в драку полез! Вместо того чтобы бить меня, лучше бы своими проблемами занялся!

После этих слов взгляд Цзян Цифэна стал еще более мрачным. Вспомнив о чем-то, он поспешно огляделся, но Юнь Наня и след простыл — в углу сжалась лишь кучка перепуганных людей, наблюдавших за этой сценой.

— Черт. В другой раз приду лично извиняться. Сейчас надо найти этого засранца Юнь Наня, совсем его избаловали, с детства никакой дисциплины, — бросил Цзян Цифэн, поднял очки и вышел из комнаты.

Гу Цзинцзэ, после случившегося, окончательно потерял всякое желание пить. Он подхватил с дивана куртку и вылетел вон.

— Обалдеть, вот это скандал! Не зря пришли, хоть вина бесплатного попили, да еще и такое шоу увидели! Жаль, семечек не было, — зашептались в зале.

— И не говори, адреналин зашкаливает! Надо скорее подружкам рассказать!

В VIP-зале поднялся гул. Но не успели они толком насладиться моментом, как ворвалась Мин И. С озабоченным видом она приказала своим людям забрать у всех телефоны и подвергнуть их проверке.

Вслед за ней вошла помощница Цзян Цифэна. Цин Юй сразу же нашла глазами Мин И, но прежде чем она успела к ней подойти, какой-то проныра попытался незаметно улизнуть. Цин Юй, сразу поняв, что это папарацци, одним точным движением сбила его с ног, вырвала камеру и раздавила ее вдребезги прямо у него на глазах.

— Есть деньги, которые не стоит зарабатывать. Смотри, как бы жизнь не закончилась раньше, чем потратишь, — ледяным тоном произнесла Цин Юй.

— Тьфу! Ты, мужиковатая баба, возомнившая невесту что, какое право имеешь меня судить?.. Сидела бы дома, мужа ублажала... А-а-а!

Вопль пронесся по всему залу. Цин Юй, даже не поморщившись, лишь сильнее надавила каблуком на руки папарацци. Она была эмоционально стабильна: за оскорбления платила делом, не желая тратить слова на отбросы.

— Ублажала? Мечтай! Я родилась свободной, так с какой стати должна пресмыкаться перед кем-то?! — в ее глазах читалось такое презрение, будто даже взгляд на этого человека был для нее оскорблением.

Быстро закончив с этим, она направилась к застывшей в стороне Мин И, нежно коснулась ее головы и мягко произнесла:

— Не бойся, я во всем разберусь.

Мин И, как послушная кукла, часто заморгала и кивнула. Хотя она и привела охрану, для нее это был первый опыт решения таких серьезных проблем, и она невольно нервничала. Глядя на решительность Цин Юй, она прониклась к ней глубоким уважением.

\*\*\*

Когда Гу Цзинцзэ добрался до Фэнъегуани, комната Цзян Фэна была заполнена врачами. Одна из медсестер, увидев вернувшегося Гу Цзинцзэ, поспешила удержать его, когда он попытался прорваться внутрь.

— Молодой господин Гу, не волнуйтесь. С господином Цзяном сейчас все в порядке, просто он перепил холодной воды и ничего не ел весь день...

— Когда я могу его увидеть? — его голос звучал холодно.

— Примерно в два часа ночи. Врачи проведут необходимые процедуры, чтобы облегчить его состояние, — терпеливо объяснила медсестра.

— Хорошо. Я буду ждать за дверью. Если что, зовите.

Гу Цзинцзэ расспросил врачей о мерах предосторожности и о том, что нельзя есть. Тщательно записав все в блокнот, он осторожно вошел в спальню. Он бережно подхватил на руки бледного, лишенного сил Цзян Фэна и отнес в свою спальню. Укрыв его одеялом, он спустился вниз, чтобы приготовить грелку.

Вернувшись, Гу Цзинцзэ забрался в постель и аккуратно положил теплую грелку на живот Цзян Фэна, надеясь, что тому станет легче. Цзян Фэн, почувствовав тепло, невольно прижался к нему.

Он уткнулся головой в грудь Гу Цзинцзэ и ощутил странный, свежий аромат — легкий запах персиков, совсем не похожий на привычный запах самого Гу Цзинцзэ. Цзян Фэн с трудом приоткрыл тяжелые веки и сфокусировал взгляд: прямо на горле Гу Цзинцзэ красовался ярко-алый след.

В ту же секунду Цзян Фэна словно окатили ледяной водой — он окончательно пришел в себя. Он не сводил глаз с этого пятна, и в его душе разливались бесконечная тоска, боль и обида. Эти чувства захлестывали его, словно темная бездна. Сейчас душевная боль казалась ему в миллионы раз сильнее желудочной.

Цзян Фэн не мог смириться с реальностью. Дрожа всем телом, он медленно отстранился, его лицо выражало ужас и отвращение. Он вдруг осознал, что слишком переоценивал свое место в сердце Гу Цзинцзэ. Без него вокруг Гу Цзинцзэ всегда будут тысячи тех, кто лучше него; они будут слетаться, как мотыльки, а Гу Цзинцзэ вовсе не обязан быть верным только ему одному.

Может быть, Гу Цзинцзэ никогда и не принадлежал ему целиком... От этой мысли сердце Цзян Фэна превратилось в ледяную глыбу. Гу Цзинцзэ был для него яркой, далекой луной, а он сам — лишь обычным человеком, который не мог заставить луну светить только для него и не мог удержать ее рядом надолго. Всего лишь случайный прохожий, не способный оставить след.

Так есть ли у него право требовать чего-то большего? Он — никому не нужный пес, который возомнил себя человеком, завел принципы, захотел жадно загрести все блага мира, а в итоге остался ни с чем, без дома и без цели.

\*\*\*

Гу Цзинцзэ почувствовал, как Цзян Фэн отстранился и задрожал, и решил, что у того снова разболелся живот. Он поспешил снова притянуть его к себе, нежно массируя живот, но чем больше он старался, тем сильнее дрожал Цзян Фэн.

Наконец, Гу Цзинцзэ приподнял лицо Цзян Фэна, желая проверить, не порозовели ли его губы, но вместо этого почувствовал на своих пальцах влагу. Кристально чистая слеза скатилась по его коже, принесла острую боль, словно тысячи муравьев впились в сердце.

— Очень больно? Может, дать тебе обезболивающее? — Гу Цзинцзэ мягко смахнул ресницы Цзян Фэна кончиками пальцев, стараясь говорить как можно нежнее.

Цзян Фэн перехватил руку Гу Цзинцзэ и потерся щекой о его ладонь, как послушный ягненок. Он чуть заметно кивнул и прошептал дрожащим голосом:

— Больно... очень больно...

— Только одну таблетку, больше нельзя, иначе будет хуже, так что... — не успел Гу Цзинцзэ закончить, как Цзян Фэн послушно ответил:

— Хорошо.

Гу Цзинцзэ замер. Он не ожидал, что Цзян Фэн так легко согласится — он уже приготовил целую речь, чтобы убедить его, но слова так и застряли в горле.

Цзян Фэн под присмотром Гу Цзинцзэ выпил лекарство и больше не капризничал, не доставлял хлопот — он вел себя пугающе спокойно.

Гу Цзинцзэ подумал: неужели это из-за болезни он показал свою самую уязвимую сторону? Уязвимость-то он увидел, а вот привычного «больного» буйства — нет. Раньше, когда Цзян Фэн болел, он был сущим наказанием: вечно требовал то одного, то другого, и если ему отказывали, отказывался пить лекарства. Его девизом было: если что-то не по его — изводить всех вокруг.

Убедившись, что Цзян Фэн уснул, Гу Цзинцзэ пошел в душ, а выйдя, заглянул в интернет. Только прочитав информацию, он понял: все люди переносят болезнь по-разному.

Гу Цзинцзэ наконец успокоился, вернулся в кровать и посмотрел на Цзян Фэна — тот выглядел гораздо лучше, лицо порозовело, а губы больше не были мертвенно-бледными.

<http://bllate.org/book/22362/2344623>